

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

К.В. ДОЙЧ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ¹

Социальной мобилизацией называется всеобъемлющий процесс изменения, который происходит со значительными группами населения в странах, переходящих от традиционного к современному образу жизни. Это понятие вбирает множество более специфических процессов изменения, таких как изменение места жительства, рода занятий, социального окружения, партнеров по общению лицом-к-лицу, институтов, ролей и способов действовани^я, опытов и ожиданий и, наконец, личных воспоминаний, привычек и потребностей, включая потребность в новых паттернах группового членства и новых образах личной идентичности. Каждое по отдельности и еще более своим совокупным воздействием эти изменения обычно влияют на политическое поведение и иногда его трансформируют.

Понятие социальной мобилизации – не просто краткий способ обозначения суммы только что перечисленных изменений, в том числе тех, которые можно было бы добавить к этому списку. Оно подразумевает, что в определенных исторических ситуациях и на определенных стадиях экономического развития

¹*Deutsch K.W.* Social mobilization and political development // American political science review. – Washington D.C., 1961. – Vol. 55, N 3. – P. 493–514. Перевод с англ. В.Г. Николаева. Оформление библиографических ссылок приводится в соответствии с оригинальным текстом.

эти процессы обычно происходят вместе, что эти ситуации идентифицируемы и повторяются в существенных чертах от страны к стране и что они релевантны для политики. Каждый из этих моментов будет рассмотрен в настоящей статье.

Повторим: социальная мобилизация – это то, что происходит с большими количествами людей в ареалах, переживающих модернизацию, т.е. там, где вводятся и в значительных масштабах принимаются развитые, нетрадиционные практики в сферах культуры, технологии и экономической жизни. Следовательно, она не тождественна процессу модернизации в целом¹, но охватывает один из его основных аспектов, или, лучше сказать, повторяющийся кластер его последствий. Эти последствия, как только они начинают приобретать существенный размах, начинают в свою очередь влиять на дальнейший процесс модернизации. Таким образом, то, что может рассматриваться в масштабе короткого периода времени как последствие процесса модернизации, в более широкой временной перспективе предстает как один из его постоянных аспектов и как его значимая причина в хорошо известном паттерне обратной связи или круговой причинной связи.

Рассматриваемое в долговременной перспективе, например в масштабе нескольких десятилетий, понятие социальной мобилизации предполагает, что некоторые подводимые под него изменения будут скорее всего происходить вместе в рамках

¹ Более широкое обсуждение процесса модернизации см. в: *Emerson R.* From empire to nation. – Cambridge: Harvard University Press, 1960; *Lasswell H.D.* The world revolution of our times. – Stanford: Stanford University Press, 1951; *Almond G.A., Coleman J.S.* (eds.). The politics of the developing areas. – Princeton: Princeton University Press, 1960. См. также: *Lerner D.* The passing of traditional society. – N.Y.: Free Press, 1958; *Lerner D.* Communication systems and social systems: a statistical exploration in history and policy // Behavioral science. – 1957. – Vol. 2. – October. – P. 266–275; *Riggs F.* Bureaucracy in traditional societies: politics, economic development and administration // American Political Science Association annual meeting, September, 1959 (раздаточные материалы); *Rustow D.* Politics and westernization in the Near East. – Princeton: Center of International Studies, Princeton University, 1956; *Shannon L.* Is level of development related to capacity for self-government? // American journal of economics and sociology. – 1958. – Vol. 17. – July. – P. 367–381; *Shannon L.* Socio-economic development and political status // Social problems. – 1959. – Vol. 7. – Fall. – P. 157–169.

воспроизводящейся связи, и это вряд ли можно рассматривать как результат простой случайности. Таким образом, от любой из форм социальной мобилизации – например, вхождения в рыночные отношения и денежную экономику (и, следовательно, ухода от натурального хозяйства и натурального обмена) – следует ожидать, что ее будет сопровождать или следовать за нею значительный подъем в частоте межличностных контактов, в подверженности воздействию средств массовой коммуникации, в переменах местожительства или в политическом или квазиполитическом участии. Следовательно, это понятие подразумевает утверждение об эмпирическом факте – факте значимо частой связи, – и это утверждение можно проверить эмпирически.

Вначале понятие социальной мобилизации воспринимали интуитивно, как историческое воспоминание или поэтический образ. Оно основывалось на исторических опытах французского *levée en masse* (массового подъема) 1793 г. и немецкой «тотальной мобилизации» 1914–1918 гг. и драматически описывалось с точки зрения его социального и эмоционального воздействия многими немецкими авторами, в особенности Эрнстом Юнгером. В чем-то схож с ним образ долговременного, всемирного по масштабу процесса «фундаментальной демократизации», обсуждаемый в некоторых работах Карла Маннгейма¹. Все эти образы предполагают разрыв со старыми приверженностями традиционным образам жизни и вхождение в новые ситуации, в которых становятся уместными и нужными новые паттерны поведения и может возникать необходимость в выработке новых приверженностей.

Следовательно, социальную мобилизацию можно определить как процесс, в котором основные кластеры старых социальных, экономических и психологических приверженностей подвергаются эрозии или разрушению и люди становятся открытыми для новых паттернов социализации и поведения. Как справедливо заметил Эдвард Шилз², исходные образы «мобилизации» и маннгеймовской «фундаментальной демократизации» предполагают две различимые стадии этого процесса: 1) стадию отрыва от кор-

¹ *Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction.* – N.Y.: Routledge, 1940.

² На конференции Совета по социально-научным исследованиям (SSRC), посвященной сравнительной политике.

ней или разрыва со старыми окружениями, привычками и приверженностями; 2) введение мобилизованных людей в новые, относительно стабильные паттерны группового членства, организации и приверженностей. Так солдаты мобилизуются *из* своих домов и семей и мобилизуются *в* армию, в которой затем служат. Маннгейм предлагает примерно такой же образ, показывая, как большие массы людей выходят *из* жизни, для которой характерны локальная обособленность, традиционализм и политическая апатия, и входят *в* иную жизнь, характеризующуюся более широкой и глубокой вовлеченностью в обширные хитросплетения современной жизни, включая потенциальное и актуальное вовлечение в массовую политику.

Задача политической теории – сделать этот образ более конкретным, облечь его в форму, в которой он мог бы быть удостоверен эмпирически, и развить эту проблему до той точки, когда вопрос «как?» можно было бы с пользой для дела заменить вопросом «сколько?». В интуитивной форме понятие социальной мобилизации уже несло в себе некоторые образы растущих чисел и растущих кривых. В той мере, в какой составные процессы социальной мобилизации могут быть измерены и описаны количественно в виде таких кривых, нам может быть интересно узнать, как быстро такие кривые растут, являются ли они какие-то поворотные точки и не пересекают ли они какие-то пороги, за которыми изображаемые ими процессы имеют побочные следствия, отличные от тех, которые имели место раньше. Среди этих побочных следствий особенно интересны те, которые касаются работы политических систем, стабильности и полномочий правительств¹.

I. Аналитическая формулировка

Пусть *M* обозначает обобщенный процесс социальной мобилизации, и мы будем считать, что он представляет общее предрасположение или открытость людей к смене приверженностей.

¹ Более широкое обсуждение количественных индикаторов, относящихся к проблемам этого рода, см.: *Deutsch K.W. Toward an inventory of basic trends and patterns in comparative and international politics // American political science review. – 1960. – Vol. 54. – March. – P. 34.*

В этом смысле M можно было бы измерить средней вероятностью того, что любой человек – скажем, в возрасте от 15 до 65 лет – претерпит (или можно ожидать, что претерпит на протяжении своей жизни) существенное изменение, состоящее в переходе от старых образов жизни к новым.

Чтобы точнее определить это изменение, надо принять три допущения: 1) есть разные формы социального обращения (ge-commitment), релевантные для политики; 2) эти формы обычно связаны друг с другом; 3) как правило, эти формы усиливают друг друга своими следствиями. Для целей исследования можно отметить еще два момента: 4) каждая из этих форм может иметь порог, при прохождении через который некоторые из ее следствий могут существенно меняться; и 5) некоторые из этих порогов или даже все, хотя с количественной точки зрения и не тождественны друг другу, могут быть значимым образом друг с другом связаны.

Для этих процессов, составляющих социальную мобилизацию, можно выбрать символы $m_1, m_2, m_3 \dots m_n$. Так, m_1 мы можем назвать столкновение с аспектами современной жизни, явленными в машинной технике, зданиях, сооружениях, потребительских благах, витринах, слухах, правительственных, медицинских и военных практиках, а также через средства массовой коммуникации. Символ m_2 может обозначать более узкое понятие – контакт только с этими массмедиа. Далее, m_3 может обозначать изменение места проживания; m_4 – урбанизацию; m_5 – уход от сельскохозяйственных занятий; m_6 – грамотность; m_7 – доход на душу населения; и т.д.

Тогда наше m_1 могло бы обозначать процентную долю населения, столкнувшегося сколько-нибудь существенным образом со значимыми аспектами современной жизни; m_2 – процентную долю тех, кто подвергается воздействию массмедиа (скажем, аудитории массмедиа); m_3 – процентную долю жителей, сменивших место проживания (скажем, район, провинцию или государство); m_4 – процентную долю населения, проживающего в городах; m_5 – процентную долю лиц, вовлеченных в несельскохозяйственные занятия, в общем числе людей, вовлеченных в занятия, приносящие доход; m_6 – процент грамотных; m_7 могло бы измеряться просто через чистый национальный продукт или через валовой национальный продукт в долларах на душу населения. На этой стадии

компиляции данных выбор тех или иных индикаторов и определенных неизбежно происходит под сильным влиянием наличия статистических данных. Во многих случаях наиболее подходящим будет использование данных и определений, публикуемых ООН в таких книгах, как «Демографический ежегодник ООН», «Всемирное социальное обследование ООН», «Статистический ежегодник ООН», а также в целом ряде более специализированных публикаций этой организации¹.

В современной высокоразвитой и полностью мобилизованной стране m_7 должно составлять 600 долл. валового национального продукта на душу населения, m_1 , m_2 и m_6 должны превышать 90%, m_4 и m_5 должны быть выше 50% (даже в странах, производящих большие сельскохозяйственные излишки по сравнению с нуждами национального потребления), и даже m_3 , изменение места жительства, видимо, превышает 50% в такой стране, как Соединенные Штаты. В крайне недоразвитой стране, такой, например, как Эфиопия, m_7 значительно ниже 100 долл., а остальные показатели могут быть около 5% или даже ниже.

В ходе экономического развития, по мере того, как страны становятся все меньше похожими на Эфиопию и все больше — на Соединенные Штаты, все эти показатели имеют тенденцию меняться в одном направлении, даже если изменяются с неодинаковой скоростью. Следовательно, они в какой-то мере проявляют характеристику, которую Пол Лазарсфельд назвал «взаимозаменяемостью индикаторов»: если один или даже несколько из этих показателей будут отсутствовать, то их во многих случаях можно будет заменить остальными или другими, отобранными схожим образом, и общий уровень и направление социального процесса, лежащего в их основе, будут, несмотря на

¹ См. брошюры, выпускаемые Статистической службой ООН: Statistical papers. Series K. — N 1: «Survey of social statistics» (Sales No.: 1954. XVII. 8). — N.Y., 1954; Statistical papers. Series M. — N 11. — Rev. 1: «List of statistical series collected by international organizations» (Sales No.: 1955. XVII. 6). — N.Y., 1955. Несколько более ранние данные см. также: *Woytinsky W.S., Woytinsky E.S.* World commerce and governments: trends and outlook. — N.Y.: The Twentieth Century Fund, 1955; World population and production: trends and outlook. — N.Y.: The Twentieth Century Fund, 1953.

это, оставаться ясными¹. Эта характеристика, однако, имеет силу лишь в первом приближении. Отставания и расхождения между разными показателями могут представлять значительный интерес для исследователя политики, и некоторые из этих расхождений мы ниже обсудим.

Первое и главное в социальной мобилизации между тем заключается в том, что она предполагает единый глубинный процесс, лишь отдельные аспекты которого представлены его частными индикаторами, что эти индикаторы коррелируют друг с другом и являются в ограниченной степени взаимозаменяемыми и что этот комплекс процессов социального изменения значимым образом коррелирует с основными изменениями в политике.

Совокупный индекс социальной мобилизации, M , – это индекс второго порядка, он измеряет корреляцию между индексами первого порядка $m_1 \dots m_n$. Кроме того, он должен выражать вероятность того, что $(n + 1)$ -й индекс будет схожим образом коррелировать с предыдущими, как бы велико ни было число n , при условии, что сам этот индекс был правильным образом отобран. Иначе говоря, утверждать, что социальная мобилизация является в какие-то времена и в каких-то странах «реальным» процессом, значит утверждать, что для этих случаев существует большое и потенциально неограниченное число возможных измерений и индикаторов, и все они коррелируют друг с другом и удостоверяют своим числом и силой своей корреляции реальность лежащего в их основе феномена.

На практике, конечно, репертуар доступных измерений и индикаторов чаще всего ограничен, и обычно не возникает необходимости собирать для какого-то конкретного времени и какой-то конкретной страны все те данные, которые можно найти. Напротив, обычной целью при этом будет экономия: извлечение наибольшего количества полезной информации из как можно меньшей совокупности данных. Семи индикаторов социальной мобилизации, перечисленных выше как $m_1 \dots m_7$, в большинстве случаев должно быть достаточно, чтобы получить вполне доброт-

¹ См.: *Horwitz H., Smith E.* The interchangeability of socio-economic indices // *Lazarsfeld P.F., Rosenberg M.* The language of social research. – N.Y.: Free Press, 1955. – P. 73–77.

ную первую картину ситуации. Они были отобраны отчасти на основании доступности и удобства, а также потому, что менее сильно коррелировали и, следовательно, были в меньшей степени взаимозаменяемыми, чем некоторые другие индексы.

Каждый из семи отобранных процессов мог бы сам по себе быть измерен с помощью нескольких разных индикаторов, но в каждом случае эти подчиненные индикаторы обычно очень тесно коррелируют друг с другом и почти полностью взаимозаменяемы. Например, грамотность можно измерять как процент грамотных в населении старше 15 лет, старше 10 лет или старше 7 лет; она могла бы определяться как способность узнавать некоторые слова, последовательно читать или писать. Каждое из этих особых определений давало бы разные количественные ответы, но до тех пор, пока для каждой страны или для каждого периода в одной стране использовалось одно и то же определение, каждый из этих критериев показывал во многом одинаковое положение дел. Например, будучи примененным к Марокко в период с 1920 по 1950 г., каждый из этих критериев показал бы, как в этой стране число грамотных марокканцев начинает перевешивать число грамотных французов, с очевидными последствиями для ее политического будущего.

Схожим образом урбанизацию можно измерять в терминах населения всех населенных пунктов с числом жителей более 2 тыс. или более 5 тыс., более 20 тыс. или более 50 тыс.; ее можно было бы измерить, пусть и не так хорошо, и в терминах населения всех тех мест, которые имеют устав или городскую форму управления. Каждый из этих критериев измерения показал бы один и тот же процесс роста больших городов, например, в Финляндии с 1870 по 1920 г. или в Индии с 1900 по 1940 г., имевший далеко идущие последствия для политической жизни этих стран. Недавно опубликованное исследование Фредерика Е. Тиббетса-третьего показывает опять же взаимозаменяемость разных показателей городского роста в Канаде, влияющих на проблемы ассимиляции и дифференциации франкоязычного и англоязычного населения этой страны. Тиббетс выясняет, что урбанизация в последние десятилетия опережала овладение английским языком среди франкоканадцев; он находит среди жителей городов, особенно в несельскохозяйственных занятиях, рост числа людей, не говорящих ни на каком языке, кроме

французского. Политическое значение этого развития, сосредоточенного по большей части в провинции Квебек, подчеркивается его наблюдением, что в 1951 г. Квебек (за вычетом Монреаля), обладавший 21% в общем населении Канады, имел, соответственно, всего 4 и 7% ветеранов Первой и Второй мировых войн¹.

Среди семи основных индикаторов социальной мобилизации, предложенных в этой статье, корреляции между экономическим развитием и грамотностью менее совершенны, а расхождения – более очевидны. Эфиопия и Бирма одинаково характеризуются валовым национальным продуктом по 50 долл. на душу населения, но в Эфиопии грамотные составляют менее 5%, и она политически стабильна, тогда как в Бирме грамотные составляют более 45% и нет политической стабильности. Среди индийских штатов штат Керала с одним из самых высоких уровней грамотности в конце 1950-х годов избрал коммунистическое правительство.

Таким образом, может быть полезным поиск ответов на два вопроса: 1) насколько сильна корреляция между семью основными индикаторами; 2) насколько интересны вариации? Что касается первого вопроса, то уже отмечалось, что количественные значения семи основных индикаторов будут не идентичны. Но если мы будем мыслить каждый из этих индикаторов как образующий отдельную шкалу, в каждой из которых каждая страна могла бы занять какой-то ранг, скажем в верхних 5 или нижних 5%, то мы могли бы измерить, в какой степени ранги стран по этим шкалам коррелируют друг с другом. Из общих впечатлений от данных можно предположить, что для этих корреляций ранговых порядков коэффициент корреляции будет составлять от 0,6 до 0,8, объясняя в среднем около половины наблюдаемых вариаций. Что касается второго вопроса, то каждый случай, показывающий существенные расхождения между некоторыми из основных индикаторов, придется изучать отдельно, однако упомянутые только что примеры Бирмы и штата Керала наводят на мысль, что исследование таких случаев может себя оправдать и что сравнение показателей может

¹ *Tibbets F.E.* 3 d. The cycles of Canadian nationalism. – Yale University, 1959 (машинописный текст). – P. 24, 26–31. Детали упомянутых финского и индийского случаев см.: *Deutsch K.W.* Nationalism and social communication. – N.Y.: Wiley, 1953. – P. 102–110, 170–182, 197–204.

послужить политическим ученым грубым, но, пожалуй, полезным исследовательским инструментом.

Дабы исследование было несколько более совершенным, можно ввести понятие двух порогов. Первый из них – пороговое значение S , т.е. числовое значение, ниже которого не может быть обнаружено значимого отклонения от обычного функционирования традиционного общества и не проявляется значимых нарушений, производимых в его неизменном функционировании. Для каждого из этих частных индикаторов, от m_1 до m_7 , мы должны ожидать нахождения соответствующего особого порогового значения, от s_1 до s_7 ; и наше понятие социальной мобилизации должно предполагать, что как только несколько основных показателей приближаются к пороговому значению или переходят его, остальные индикаторы тоже должны иметь соответствующие по уровню значения или превышать их. Вероятность того, что так на самом деле и будет, должна опять же указывать на то, что понятию социальной мобилизации как целостного процесса присуща некая степень реальности.

Вторым порогом будет критический порог для значимых изменений в действительных или видимых побочных эффектах процесса социальной мобилизации. На каком уровне каждого из вышеперечисленных индикаторов проявляются такие изменения в социальных или политических побочных эффектах?

Примером может служить индикатор грамотности. Часто отмечалось, что даже значительное продвижение в грамотности – скажем, с 10 до 60% населения в возрасте старше 15 лет – не кажется коррелирующим со сколько-нибудь значимыми изменениями в рождаемости, если сравнить уровни грамотности и рождаемости для большого числа стран в 1950-е годы. Однако на уровне 80%-ной грамотности появляется бросающееся в глаза изменение: в той же выборке стран ни одна с уровнем грамотности выше 80% не имеет уровня рождаемости выше 3% в год¹. В качестве предварительной гипотезы, подлежащей дальнейшей проверке, можно выдвинуть предположение, что уровень грамотности выше 80% может указывать на настолько продвинутую и радикальную ста-

¹ Klineberg R. Correlation of literacy rates with 1956 birth rates. – Fletcher school of law and diplomacy, 1959 (неопубликованная рукопись).

дию социальной мобилизации и модернизации, что она сказывается даже на интимных паттернах семейной жизни, находящих свое выражение в уровне рождаемости страны. Очевидно, что для подтверждения такой гипотезы потребовались бы еще другие данные, но даже в этой своей предварительной форме она может проиллюстрировать наш тезис. Если бы и в самом деле было так, то 80%-ный уровень был бы критическим порогом в конкретной шкале грамотности как индикатора социальной мобилизации.

Поскольку мы назвали индикатор грамотности m_6 , то можно было бы обозначить критический порог для этой шкалы c_6 и установить, что он равен 80%. Тогда предметом дальнейшего исследования было бы выяснение того, происходят ли при прохождении через 80%-ный уровень грамотности также и другие критические изменения. Если да, то c_6 могло бы оказаться основным критическим порогом для этого показателя. Если бы важные побочные эффекты проявляли критические изменения на других уровнях грамотности, то, возможно, нам пришлось бы принять несколько критических порогов, которые мы могли бы назвать c_6' , c_6'' и т.д.

У других индикаторов вполне возможны другие критические пороги, с другими процентами по соответствующим шкалам. Может, например, оказаться, что в большинстве стран с грамотностью, превысившей метку 80%, городское население составляет, скажем, более 40% и что побочные эффекты, наблюдаемые при грамотности выше 80%, наблюдаемы также и при превышении 40% по шкале урбанизации. Если бы такие разные, но коррелирующие друг с другом критические пороги удалось найти для всех семи наших индикаторов, то понятие социальной мобилизации можно было бы выразить как вероятность того, что если бы в какой-то стране n разные индикаторы демонстрировали значения, равные их критическим уровням или превышающие их, то любой релевантный показатель ($n + 1$) тоже оказался бы на своем критическом уровне или выше его.

Многое из того, что до сих пор говорилось, можно выразить в точной форме. Если обозначить вероятность символом P , совокупный процесс социальной мобилизации в отношении пороговых значений символом M_S , а этот же самый процесс в отношении критических порогов – символом M_C , то мы могли бы коротко пред-

ставить общее понятие социальной мобилизации следующим образом:

- (1) $M_S = P$ (если $m_n \leq s_n$, то $m_{n+1} \leq s_{n+1}$),
или короче:
(1a) $M_S = P$ (если $m_n \leq s_n$);
и
(2) $M_C = P$ (если $m_n \leq c_n$, то $m_{n+1} \leq c_{n+1}$),
или короче:
(2a) $M_C = P$ (если $m_n \leq c_n$);
а также, возможно:
(3) $M = P$ (если $M_S = M_C$).

Ни одна из этих сжатых формул, пожалуй, не требует дополнительных комментариев. Они просто суммируют то, что до сих пор говорилось более пространно. Читатели, считающие эти формулировки чуждыми им по духу, могут, следовательно, без потерь их пропустить, если приняли приведенную выше словесную аргументацию.

II. Некоторые следствия для политики развития

В какой бы стране ни происходила социальная мобилизация, она несет с собой расширение политически релевантных слоев населения. Эти политически релевантные слои – более широкая группа, нежели элита: они включают всех тех, кто должен приниматься в расчет в политике. Например, докеры и члены профсоюзов в Гане, Нигерии или Соединенных Штатах необязательно являются членами элит этих стран, но вполне могут что-то значить в их политической жизни. В развивающихся странах Азии, Африки и части Латинской Америки политический процесс обычно не включает массу обособленных, живущих натуральных хозяйством, скованных традицией и политически апатичных крестьян, но включает все возрастающее число горожан, работающих на рынок фермеров, пользователей денег, наемных работников, радиослушателей и грамотных жителей маленьких городков и сел. Рост числа этих людей создает нарастающее давление к преобразованию политических практик и институтов; и поскольку этот буду-

ший рост можно оценить, по крайней мере в какой-то степени, на основе тенденций и данных недавнего прошлого, то можно схожим образом оценить и ожидаемый рост политических давлений, или то, что можно назвать потенциальным уровнем политических напряжений.

Социальная мобилизация влечет также изменение в качестве политики, изменяя репертуар человеческих потребностей, влияющих на политический процесс. По мере того как люди с корнем вырываются из их физической и интеллектуальной изоляции в их непосредственных локальных окружениях, отрываются от своих старых привычек и традиций и часто от своих старых паттернов занятости и мест проживания, они переживают радикальные изменения в своих потребностях. Теперь у них может появиться потребность в обеспечении жильем и работой, в социальном страховании от болезни и старости, в медицинской помощи, оберегающей от опасностей для здоровья, таящихся в их густонаселенных новых домах и рабочих местах, и от риска несчастных случаев при обращении с незнакомой техникой. Они могут нуждаться в поддержке, компенсирующей риски циклической и сезонной безработицы, финансовые тяготы, создаваемые квартплатой и выплатой процентов по кредитам, и резкие колебания цен на основные товары, которые они должны продавать или покупать. Они нуждаются в обучении их самих и в образовании для своих детей. Короче говоря, они нуждаются в широком репертуаре и больших объемах новых государственных услуг.

Эти потребности обычно не могут удовлетворяться традиционными типами управления, унаследованными от доторговой и доиндустриальной эпохи. Махараджи, султаны, шейхи и вожди обычно совершенно неспособны справиться с этими новыми проблемами; таким же разочаровывающим перед лицом новых потребностей оказывается чаще всего традиционное правление землевладельческих олигархий или издавна установившихся религиозных органов. Большинство попыток изменения характеристик традиционных правящих семей – например, путем прикомандирования к ним иностранных советников или отправки их детей на учебу за рубеж – обычно остаются по своим эффектам поверхностными на фоне нагромождающихся давлений к более глубоким переменам.

В сегодняшних развивающихся странах между тем традиционные авторитеты, становящиеся все более неэффективными и непопулярными, не могут быть успешно заменены тем, что исторически за ними последовало в западном мире, а именно классическими институтами либерализма и *laissez-faire* XVIII–XIX вв. Относительно лишенных корней, доведенных до нищеты и дезориентированных масс, производимых социальной мобилизацией, явно нельзя утверждать, что для них лучшее правительство то, которое меньше всего правит. Гораздо вероятнее, что они будут нуждаться в прямом переходе от традиционного правления к основополагающим элементам современного государства благосостояния. Следовательно, развивающимся странам Азии, Африки и части Латинской Америки, возможно, придется осуществлять за считанные десятилетия процесс политического изменения, для прохождения которого в истории Западной Европы и Северной Америки потребовалось по меньшей мере много поколений; и, возможно, им придется осуществлять это ускоренное изменение в виде скачка, опуская как непрактичные некоторые исторические ступени прохождения через почти *laissez-faire*, имевшие место на Западе.

Растущая потребность в новых и старых правительственных услугах обычно предполагает настойчивые политические давления, которые ведут к разрастанию правительственного аппарата и относительному увеличению доли государственного сектора в национальной экономике. В середине 50-х годов XX в. правительственные бюджеты – национальные, региональные и местные – в очень бедных и слабомобилизованных странах с годовыми валовыми национальными продуктами по 100 долл. на душу населения и ниже обычно составляли около 10% от валового национального продукта. В высокоразвитых и высокообеспеченных странах, таких как страны с валовым национальным продуктом на уровне 900 долл. на душу населения и выше, соответствующая доля государственного сектора составляла около 30%. Если сделать из этих цифр самые приблизительные и предварительные выводы, то в ходе экономического развития можно ожидать перетекания около 2,5% национального дохода в государственный сектор на каждые 100 долл. прироста валового национального продукта на душу населения. Однако правдоподобнее было бы, наверное, ожидать чуть

более быстрого расширения государственного сектора на ранних стадиях экономического развития; между тем прояснение этой проблемы в полном объеме – со всеми ее очевидными политическими следствиями – потребовало бы гораздо более масштабных исследований.

Связь между целостным процессом социальной мобилизации и ростом национального дохода – следует здесь об этом напомнить – никоим образом не симметрична. Устойчивый рост дохода без социальной мобилизации очень маловероятен, но значительная часть социальной мобилизации может равномерно продолжаться и в отсутствие роста подушевого дохода; такое проявляется, например, в странах с плохой ресурсной или инвестиционной политикой или быстрым ростом населения. В таких случаях социальная мобилизация будет тем не менее порождать давления, ведущие к экспансии правительственных услуг и, следовательно, государственного сектора даже в относительно застойной или ощутимо ретроградной экономике. В подобных случаях приостановка или обращение вспять экспансии государства или стоящего за ней процесса социальной мобилизации – даже если бы этого можно было добиться – вряд ли существенно улучшили бы положение дел. Более привлекательный курс для таких стран, возможно, состоял бы в том, чтобы использовать возможности их растущих правительственных аппаратов для улучшения их ресурсной и инвестиционной политики и постепенного возобновления экономического роста. В какой степени этого добиваются или могут добиться в такого рода случаях – еще одна увлекательная тема для исследования.

Приведенные только что цифры относятся, разумеется, только к некоммунистическим странам; при включении коммунистических государств средняя цифра по каждому классу государственного сектора повысилась бы. Интересно было бы выяснить, применима ли тенденция относительной экспансии государственного сектора, *mutatis mutandis*, к коммунистическим странам и если да, то в какой степени.

Расширение сферы государственных услуг и функций обычно требует увеличения правительственных полномочий. Оно требует роста численности правительственного персонала и повышения уровня его подготовки, роста числа государственных должностей

и учреждений, значительных улучшений в административной организации и эффективности. Таким образом, быстрый процесс социальной мобилизации обычно порождает серьезные давления, побуждающие к политической и административной реформе. Такие реформы могут включать как количественный рост бюрократии, так и ее качественное совершенствование в направлении компетентной гражданской службы – даже если эти две цели порой сталкиваются друг с другом.

Подобно такому воздействию на эту особую область государственного управления, социальная мобилизация также обычно порождает давления, ведущие к более общей трансформации политической элиты. Обычно она создает давления, побуждающие к расширению и частичной трансформации функций элиты, рекрутирования в элиту и коммуникаций элиты. Старые элиты, состоящие из традиционных вождей, деревенских глав и местных нотаблей, оказываются во всех этих отношениях все более неадекватными, и политическое лидерство может переходить к новой политической элите, складывающейся из партийных или квазипартийных организаций; последние бывают формальными или неформальными, легальными или нелегальными, но во главе их всегда стоят новые «маргинальные люди», подвергшиеся более или менее основательному воздействию современного образования и городской жизни.

Примерно то же самое можно сказать о коммуникациях элиты. Элиты с более широким рекрутированием должны коммуницировать между собой и чаще всего должны делать это безлично и на все больших расстояниях. Они должны чаще прибегать к письменной и бумажной работе. В то же время они должны направлять большую часть своего коммуникационного выхода на новые политические слои; это выводит на первый план ораторское искусство и журналистику, а также умение пользоваться всеми массовыми средствами коммуникации. Одновременно быстрая социальная мобилизация порождает критическую проблему в коммуникационном входе элит. Она сталкивает их с постоянным риском потери контакта с новомобилизованными социальными слоями, которые до недавнего времени ровным счетом ничего не значили в политике. Нежелание премьер-министра Неру принимать во внимание силу и остроту чувств маратхов в языковом конфликте 1950-х годов

в Бомбее и свойственная ему с середины 1930-х годов общая склонность недооценивать силу общинных и языковых чувств в Индии говорят о том, сколь серьезно стоит эта проблема даже для крупных демократических лидеров.

Растущая численность мобилизованного населения и рост масштаба и насущности его потребности в политических решениях и государственных услугах обычно оборачиваются, хотя и с некоторым временным запозданием, ростом политического участия. Он может проявляться неформально, через растущую численность людей, участвующих в толпах и бунтах, митингах и демонстрациях, забастовках и восстаниях, либо менее драматично, через их членство в растущей аудитории политических коммуникаций (письменных и радио) или, наконец, через членство в растущем множестве организаций. Хотя многие из этих организаций на вид не являются политическими – как, например, общества самосовершенствования, просветительские кружки, певческие клубы, спортивные общества, сельскохозяйственные и торговые ассоциации, ордена и братства, общества взаимопомощи и т.п., – они тем не менее обычно приобретают политический оттенок, особенно в странах, где нет возможностей для более открытой политической деятельности. И даже там, где есть установившиеся политические партии и выборы, сеть внешне неполитических или маргинально политических организаций служит важной политической функции, давая надежную социальную среду тем индивидам, которые были частично или полностью оторваны от корней или отчуждены от своих традиционных сообществ. В то же время такие организации могут служить площадками для вхождения этих людей в политическую жизнь.

Там, где люди имеют право голоса, эффекты социальной мобилизации обычно отражаются в электоральной статистике. Этот процесс находит свое выражение как в тенденции к возрастающему участию в голосовании тех, у кого уже есть право голоса, так и в распространении этого права на новые группы населения. Часто рост участия тех, у кого уже есть право голоса, предшествует наделению этим правом новых классов избирателей, особенно в странах, где расширение круга людей, наделенных этим правом, происходит постепенно. Так, в Норвегии в 1830–1860 гг. участие в голосовании оставалось на одном уровне, составляя примерно 10% взрослого мужского населения; в 1870–1980-х годах это участие

быстро росло среди избирателей, имеющих право голоса, а далее последовало расширение круга людей, наделенных этим правом, и в 1900 г. в выборах принимали участие уже 40% взрослых мужчин-норвежцев. Этот процесс сопровождался трансформацией норвежской политики, ростом могущества радикальной крестьянской партии «*Venstre*» и переходом от принятия существующей Шведско-норвежской унии к растущему требованию полной независимости Норвегии¹. Этим политическим изменениям предшествовал и сопутствовал рост нескольких обычных показателей социальной мобилизации норвежцев.

Другой аспект процесса социальной мобилизации – перенос акцента с парохизализма и интернационализма многих традиционных культур на преобладающий интерес к такой надлокальной, но далекой от всемирности единице, как территориальное (в конечном счете национальное) государство.

Еще не опубликованное исследование американских коммуникаций до Американской революции, проведенное Ричардом Мерритом, показывает, как за период с 1735 по 1775 г. процент американских и всеколонийных символов в колонийных газетах вырос с примерно 10 до примерно 40%, в основном за счет падения доли символов, относящихся к местам и событиям в мире вне колоний и Британии, тогда как доля Британии в американском новостном внимании оставалась относительно неизменной. Что касается группы американских символов, то в ней основной прирост пришелся на те, которые относились к Америке или колониям в целом, а не на те, которые относились к конкретным колониям или их частям².

Более близкий по времени опыт некоторых «развивающихся стран» также говорит о том, что внимание к национальным темам растет быстрее, чем внимание, с одной стороны, к мировым делам, и с другой – к вопросам сугубо локальным. Однако на данный момент это по большей части лишь впечатление. Природа и степень

¹ См.: *Lindgren R.* Norway–Sweden: Union, disunion, reunion. – Princeton: Princeton University Press, 1959; *Deutsch K.W., et al.* Political community and the North Atlantic area. – Princeton: Princeton University Press, 1957.

² Монография Ричарда Меррита «Символы американского национализма, 1735–1775», в которой должно быть в итоге охвачено по одной или несколько газет Массачусетса, Нью-Йорка, Пенсильвании и Вирджинии, будет в свое время опубликована.

сдвигов внимания в массмедиа, а также в массовых установках в ходе социальной мобилизации – тема для дальнейших исследований, насколько необходимых, настолько же и многообещающих¹.

Некоторые данные о потоке внутренних и зарубежных почтовых отправок показывают изменение в схожем направлении. Из пяти стран, в отношении которых есть данные, в четырех – Египте, Иране, Нигерии и Турции – с 1913 до 1946–1951 гг. доля внутренних почтовых отправок по отношению к зарубежным существенно выросла; пятая – Индонезия – была исключением, но значительную часть последнего времени оставалась ареной внутренних беспорядков и затянувшейся войны с голландцами. Тренд для Египта, Ирана, Нигерии и Турции подтверждается в каждом случае данными относительно промежуточного периода 1928–1934 гг., которые также являются в каждом случае промежуточными между низкой долей внутренних писем относительно зарубежных в 1913 г. и высокими долями в 1946–1951 гг. Многие другие развивающиеся страны – в том числе Золотой Берег (ныне Гана), Бельгийское Конго, Малайя, Французское Марокко, Кения-Уганда, Танганьика, Мозамбик, – относительно которых данные найдены только для сравнения 1928–1934 гг. с 1946–1951 гг., показывают тенденцию к увеличению доли внутренней переписки по сравнению с зарубежной². Здесь опять-таки даже сравнительно небольшое вложение сил в дальнейший сбор и изучение данных могло бы принести интересные результаты.

По некоторым данным, полученным в другом недавнем исследовании, еще одним побочным эффектом социальной мобилизации и экономического развития может быть сначала существенное расширение, а затем меньшее, но значительное сужение доли сектора международной торговли в национальной экономике. Так, в ходе развития Британии доля совокупной внешней торговли

¹ Примеры новаторских вкладов такого рода можно найти в «Исследованиях Института Гувера». Это работы Гарольда Лассуэлла, Итиэля Пула, Даниэля Лернера и других. См. в особенности: *Pool E. The prestige papers.* – Stanford: Stanford University Press, 1951.

² См. диаграммы 1, 3 и 4, основанные на данных Всемирного почтового союза, в: *Deutsch K.W. Shifts in the balance of communication flows: A problem of measurement in international relations // Public opinion quarterly.* – 1956. – Vol. 20. – Spring. – P. 152–155.

(включая торговлю с заморскими владениями Британии) составляла в 1830–1840 гг. в среднем 20%, затем росла и достигла пика – 60% – в 1870–1879 гг., далее оставалась примерно на том же уровне до 1913 г., а потом упала и в 1959 г. составляла уже менее 40%. Схожим образом доля внешней торговли в национальном доходе выросла в Германии с примерно 28% в 1802–1830 гг. до пикового значения – 45% – в 1870–1879 гг., упала до 35% в 1900–1909 гг., а к 1957 г. восстановилась для гораздо меньшей Федеративной Республики Германия только до 42%. В Японии доля внешней торговли в национальном доходе составляла 15% в 1885–1889 гг., затем достигла пика – 41% – в 1915–1919 гг. и 40% в 1925–1929 гг., а к 1957 г. составляла уже всего 31%. Данные по Дании, Норвегии, Франции и Аргентине дают схожую картину, тогда как в США та же доля внешней торговли в национальном доходе падала с небольшими колебаниями с 23% в 1799 г. до 9% в 1958 г.¹ Здесь опять же сведения неполные и отчасти противоречивые, и предварительная интерпретация, предложенная в начале этого абзаца, пока еще нуждается в подтверждении и, возможно, модификации в ходе дальнейших исследований.

Проблема соотношения сектора международно-ориентированной экономической деятельности с совокупным национальным доходом – и, следовательно, косвенным образом проблема политической власти, которой потенциально могут обладать группы интересов, имеющие международные контакты или вовлечения, относительно остального сообщества, – ведет нас к проблеме размера государств и масштаба действенных политических сообществ. Как мы увидели, процесс социальной мобилизации генерирует сильные давления, подталкивающие к росту полномочий правительства, увеличивая объем и репертуар требований, предъявляемых к правительству и администрации, и расширяя область политики и членство политически значимых слоев. Этот же самый процесс повышает частоту и критическую значимость прямых коммуникаций между правительством и управляемыми. Таким образом, он с необходимо-

¹ См.: *Deutsch K.W., Eckstein A.* National industrialization and the declining share of the international economic sector, 1890–1957 // *World politics*. – 1961. – Vol. 13. – January. – P. 267–299. См. также: *Kuznets S.* Six lectures on economic growth. – N.Y.: Free Press, 1959. – Особенно разделы «The problem of size» и «Trends in foreign trade ratios» на p. 89–107.

стью повышает важность языка, медиа и каналов, по которым осуществляются эти коммуникации.

При прочих равных условиях, стало быть, можно ожидать, что стадия быстрой социальной мобилизации будет способствовать консолидации государств, народы которых уже разделяют общий язык, культуру и основные социальные институты; и этот же самый процесс может ставить под угрозу или разрушать единство государств, населения которых уже разделены на несколько групп с разными языками, культурами и базовыми образами жизни. Кроме того, социальная мобилизация может способствовать слиянию нескольких меньших государств или политических единиц, таких как кантоны, княжества, султанаты или племенные ареалы, населения которых уже разделяют по существу общий язык, культуру и социальную систему; и она же может тормозить или по крайней мере затруднять слияние государств или политических единиц, населения или правящий персонал которых существенно различаются в отношении любого из этих аспектов. Социальная мобилизация, таким образом, может в какой-то степени содействовать консолидации Объединенной Арабской Республики, но создавать все больше проблем для политики и администрации в многоязычной Индии – проблем, которые федеральное правительство Индии, возможно, должно встречать или преодолевать с помощью ряда творческих приспособлений¹.

В конечном счете, однако, проблема размера государств выходит за рамки следствий языка, культуры или институтов, как бы важны они ни были. В период быстрой социальной мобилизации приемлемый размер политической единицы обычно будет зависеть в конечном счете от того, как она будет справляться со своими задачами (performance). Если правительство не справляется с растущими нагрузками, возлагаемыми на него процессом социальной мобилизации, то, скорее всего, растущая часть населения будет отчуждаться от

¹ Более подробная аргументация развернута в: *Deutsch K.W.* Nationalism and social communication; *Deutsch K.W. et al.* Political community and the North Atlantic area. См. также дискуссию: *Haas E.B.* Regionalism, functionalism and universal organization // *World politics*. – 1956. – Vol. 8. – January; *Haas E.B.* The challenge of regionalism // *International organization*. – 1958. – Vol. 12. – P. 440–458; *Hoffman S.* Contemporary theory in international relations. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1960. – P. 223–240.

государства и проявлять недовольство им, даже если одни и те же язык, культура и базовые социальные институты будут изначально общими для правящих и управляемых на всей государственной территории. Сецессия Соединенных Штатов и Ирландии от Британской империи, как и Нидерландов и Швейцарии от Германской империи, могут в какой-то мере служить тому примером. В основе своей массовое принятие правительства в период социальной мобилизации есть прежде всего вопрос его полномочий и того, как они используются, т.е. по сути вопрос его восприимчивости к нуждам, ощущаемым его населением. Если оно оказывается систематически немым или невосприимчивым, то некоторые или многие его подданные будут переставать психологически идентифицировать себя с ним; оно будет сведено к силовому правлению, когда оно уже не сможет править с помощью шоу, примера и убеждения; и если появятся политические альтернативы ему, то оно в конце концов будет заменено другими политическими единицами, более крупными или мелкими, которые будут по крайней мере обещать эффективнее реагировать на нужды и ожидания своих народов.

На практике результаты социальной мобилизации часто приводили к увеличению размера государства далеко за пределы старых племенных территорий, мелких княжеств или прочих подобных районов традиционной эпохи, в то же время умножая прямые контакты между правительством и управляемыми намного выше тех уровней, которые были свойственны социологически поверхностным и часто наполовину призрачным империям прошлого.

Этот рост размера современных государств, способных справляться с результатами социальной мобилизации, уравнивается и в конце концов тормозится, по мере увеличения их размера, тенденцией ко все большему их сосредоточению на внутренних делах. Имеется немало свидетельств этой тенденции к самоограничению в росте государств вследствие иссякания внимания, ресурсов и восприимчивости, которые позволяли бы справляться со скрытыми нуждами и открытыми обращениями соседних пограничных популяционных и территориальных единиц, находящихся на грани включения в расширяющееся государство¹.

¹ См.: *Deutsch K.W.* The propensity to international transactions // *Political studies*. – 1960. – Vol. 8. – June. – P. 147–155.

Заметок, содержащихся в этом разделе статьи, наверное, достаточно, чтобы проиллюстрировать, пусть и не исчерпывающим образом, значимость процесса социальной мобилизации для экономического и политического развития стран. Основная польза от этого понятия, однако, должна состоять в предполагаемой им возможности количественного исследования. Насколько социальная мобилизация, измеряемая по нашим семи показателям, проявлялась в какой-то стране за один год или десятилетие в течение некоторого периода ее истории или в последнее время? И какое значение имеет различие между уровнями, на которых могут протекать некоторые составные подпроцессы социальной мобилизации? Хотя конкретные данные придется искать для каждой страны отдельно, пожалуй, можно очертить общую количественную модель, чтобы показать некоторые взаимосвязи и их возможную значимость.

III. Количественная модель процесса социальной мобилизации

Для количественного описания удобно выразить наши первые шесть показателей не в соотношении с процентной долей грамотного населения или населения, вплотную соприкасающегося с современной жизнью и т.п., а в виде лишь той среднегодовой доли всего населения, которая добавляется в совокупную процентную долю этой категории или выбывает из нее. Если для какой-то страны наш индикатор покажет в 1940 г., допустим, 40% населения, соприкасающегося со значимыми аспектами современной жизни, а в 1950 г. – 60%, то среднегодовое процентное изменение, dm_1 , будет составлять 2%. Седьмой индикатор, прирост на душу населения, можно разбить на два элемента и записать как годовой процент добавленного совокупного дохода, dm_7 , и годовой процент роста населения, p .

Если принять эти конвенции, то можно будет использовать в нашей модели в целях иллюстрации приблизительные оценки величин из разных коллекций данных. Если добавить сюда индикаторы для роста участия в голосовании и роста языковой, культурной или политической ассимиляции, то для случая сравнительно быстрой социальной мобилизации можно будет составить небольшую таблицу наподобие табл. 1. Представленный в этой таблице случай – вымышленный, но разные темпы подпроцессов социальной мобилизации необязательно нереалистичны, равно как и предполагаемые этой мо-

делью последствия для стабильности правительства в любой стране, к которой эти или схожие допущения могли бы быть применены.

Таблица 1

Гипотетический пример страны, претерпевающей быструю социальную мобилизацию: Темпы изменения

Символ индикатора		Описание	Среднегодовой % от всего населения или дохода, добавляющийся к категории	
			амплитуда колебаний	медиана
Группа I:	dm ₁	сдвиг в сторону существенного контакта с современностью, включая слухи, демонстрации машин или товаров и т.п.	2,0–4,0	3,0
	dm ₂	вхождение в аудиторию массмедиа (радио, кино, постеров, прессы)	1,5–4,0	2,75
	dm ₈	рост участия в голосовании	0,2–4,0	2,1
	dm ₆	рост грамотности	1,0–1,4	1,2
	dm ₃	изменение места проживания	1,0–1,5	1,25
	p	рост населения	(1,9–3,3)	(2,6)
Группа II:	dm ₅	смена рода занятий с уходом из сельского хозяйства	0,4–1,0	0,7
	dm ₄	переход от сельского к городскому проживанию	0,1–1,2	0,5
	a	языковая, культурная или политическая ассимиляция	0,05–1,0	0,25
	dy	рост дохода	(2,0–8,0)	(5,0)
	dm ₇	рост дохода на душу населения	—	(2,3)

Примечание. Цифры в скобках обозначают приросты (в процентах) по отношению к предыдущему году и, следовательно, не являются в строгом смысле сравнимыми с процентными изменениями в подкатегориях всего населения. Например, переход 1,2% всех взрослых в категорию грамотных относится ко всему взрослому населению, включая ту его часть, которая только что добавилась в него вследствие старения популяции; и т.д.

Прежде чем конкретнее обсудить эти последствия, следует со всей ясностью сказать, что годовые темпы изменения скорее всего реалистичны, самое большее, лишь для стран, находящихся на быстрых средних стадиях процесса социальной мобилизации и экономического развития – скажем, для диапазона от 10%-ной до 80%-ной грамотности и для аналогичных диапазонов других показателей экономического развития. На самых ранних стадиях годовые процентные доли населения, переходящего в более мобилизованное состояние, обычно гораздо ниже, а на поздних стадиях процесса можно ожидать проявления чего-то вроде «потолка»: как только 80–90% населения становится грамотным, любые дальнейшие годовые приращения в проценте грамотных в населении скорее всего будут маленькими.

Между тем на средних стадиях развития, пригодных для допущений нашей модели, можно ожидать кумулятивного давления на политическую стабильность. Все темпы изменения в группе I имеют тенденцию повышать требования к правительству, или нагрузку на него, и все имеют медианные значения выше 1% в год. Темпы изменения в группе II имеют отношение к способности правительства справляться с этими нагрузками, но медианные значения всех этих показателей, за единственным исключением, намного ниже 1%. Если бы не это исключение – предполагаемый 5%-ный ежегодный прирост национального дохода, – то исходя из этой модели пришлось бы предсказать ежегодный 1%-ный или больший приток населения в категорию по крайней мере частично социально мобилизованных, но по большей части не ассимилированных и неудовлетворенных людей.

Если допустить, в соответствии с этой моделью, ежегодное вхождение 2,75% населения в аудиторию массмедиа и прирост всего лишь в 0,6% в сфере несельскохозяйственной занятости, то ожидаемый рост числа новых членов аудитории массмедиа, неадекватно сменивших свою занятость, мог бы составить 2,15% населения в год, или более 1/5 населения в десятилетие. Такова могла бы быть доля людей, которые начали участвовать в своем воображении в новых возможностях и соблазнах современной жизни, но которым все еще было бы отказано фактически в большинстве или во всех этих новых возможностях; и это стало бы весьма действенным условием накопления политических проблем. Распростра-

нение более эффективных методов производства и, возможно, улучшенных паттернов землевладения, сельскохозяйственных кредитов и иных усовершенствований в аграрном секторе могло бы противодействовать этой тенденции; но при недостатке серьезных и устойчивых попыток таких улучшений в сельском хозяйстве скорее всего будет сохраняться и расти опасный разрыв между быстро растущей аудиторией массмедиа и медленно растущим кругом людей, более адекватно занятых и оснащенных.

Если языковая, культурная или политическая ассимиляция – т.е. более или менее постоянное изменение стабильных привычек в языке, культуре, легитимности и лояльности – также является в той или иной стране значимой проблемой, то отставание медленного темпа ассимиляции, составляющего в нашей модели всего 0,25% в год, от гораздо более стремительных темпов мобилизации, составляющих в нашей модели от 0,5 до 3,0% для различных подпроцессов, может быть для некоторых из них даже еще большим и потенциально более серьезным.

В таблице 2 показаны некоторые из следствий нашей модели для гипотетической страны с населением 10 млн. человек, доходом \$100 на душу населения, наличием основного языка, на котором говорят 35% жителей, и относительно низкой степенью социальной мобилизации в 1950 г. Условия, несколько схожие с этими, могут быть фактически обнаружены в нескольких странах Африки и Азии. Кроме того, в табл. 2 показано ожидаемое состояние дел для нашей воображаемой страны в 1960 и 1970 гг., если допустить темпы изменения, принятые для нашей модели в табл. 1, и считать их неизменными в течение 20 лет. Как можно увидеть из табл. 2, кумулятивные следствия этих изменений с 1950 до 1960 г. окажутся все еще умеренными, но к 1970 г. станут настолько значительными, что многие из политических институтов и практик, существовавших в 1950 г., могут стать непригодными для новых условий.

Как показывает табл. 2, значительная трансформация глубинной политической и социальной структуры страны могла бы произойти – и могла бы создать потенциальную угрозу для стабильности любого недостаточно реформистски мыслящего тамошнего правительства – даже в период существенного роста дохода на душу населения.

Таблица 2

Гипотетический пример страны, претерпевающей быструю социальную мобилизацию: Заданные уровни для 1950 г. и ожидаемые уровни для 1960 и 1970 гг.

Символ индикатора		Описание	Доля населения, в %		
			1950 г.	1960 г.	1970 г.
Группа I:	m ₁	Население, находящееся в контакте с современностью	35	65	95
	m ₂	Аудитория массмедиа	20	47,5	75
	m ₈	Действительное участие в голосовании	20	41	62
	m ₆	Грамотные	15	27	39
	m ₃	Люди, сменившие местожительство (отсчитывая с рождения)	10	22,5	35
	P	Все население (млн.)	(10)	(12,9)	(16,7)
Группа II:	m ₅	Население, занятое в сельском хозяйстве	18	25	32
	m ₄	Городское население	15	20	25
	A	Лингвистически ассимилированное население	35	37,5	40
	Y	Валовой доход (млн. долл.)	(1000)	(1629)	(2653)
	m ₇	Доход на душу населения	(100)	(126)	(159)

Примечание. Числа в скобках означают абсолютные числа, а не проценты. В силу округления расчеты приближительны.

Разумеется, многие из этих политических и социальных затруднений могут быть смягчены с помощью преимуществ, возможных благодаря 5%-ному росту валового национального дохода, заданному в нашей модели. Такой 5%-ный прирост валового дохода необязательно нереалистичен. Он близок к среднему значению – 5,3%, – найденному Полом Студенски в недавнем исследовании данных из большого числа некоммунистических стран¹. Поскольку заданный в нашей модели прирост населения составлял 2,6% – что значительно выше среднемирового значения для последних лет, – то можно было ожидать прироста среднедушевого дохода более чем

¹ См.: *Studenski P. The income of nations.* – N.Y.: New York University Press, 1958. – P. 249; см. также p. 244–250.

на 2% в год¹. Эти дополнительные суммы наличного дохода вполне могли бы пойти, по крайней мере отчасти, на удовлетворение новых массовых потребностей и ожиданий, создаваемых процессом мобилизации, если бы доход мог быть пущен на потребление, а уровни цен оставались стабильными. Однако любые приращения дохода будут нужны также для сбережений (в добавление к займам и грантам из-за рубежа), чтобы сделать возможным высокий уровень инвестиций и адекватный темп расширения возможностей в образовании, занятости и потреблении для растущей численности мобилизованного населения.

Однако этих благотворных последствий можно было бы ожидать лишь при условии, что адекватная доля прироста дохода уходила бы прямо или косвенно в новомобилизованные группы и слои населения. К сожалению, для многих развивающихся стран Азии и Африки подобное допущение было бы нереалистичным.

Гораздо реалистичнее было бы предположить, что в большинстве этих стран верхним 10% получателей дохода будет доставаться около 50% всего национального дохода, если не больше. Если вдобавок к этому допустить (что вовсе не кажется неправдоподобным), что в отсутствие специфических социальных реформ прирост дохода будет распределяться между разными слоями населения примерно пропорционально нынешним долям этих групп в валовом национальном доходе, то мы можем ожидать, что 10% богатейших людей будет доставаться около 50% добавочного дохода, производимого ростом дохода. В то же время, поскольку эти 10% самых богатых вряд ли будут гораздо более фертильными, чем остальное население, то скорее всего на них будет приходиться лишь 10% прироста населения; следовательно, они будут в среднем не просто богаче в абсолютном выражении, но и сохранять во всем объеме свое относительное господство над остальным населением; и, таким образом, они будут увеличивать в абсолютном выражении разрыв в доходах, отделяющий их от массы их сограждан. Между тем при этих же допущениях мы должны ожидать, что беднейшим 9/10 населения будет доставаться только

¹ См.: The future growth of world population / United Nations, Department of Social and Economic Affairs, Population Studies. – N 28. – N.Y., 1958; Report of the world social situation / United Nations, Bureau of Social Affairs (Sales No.: 1957. IV. 3). – N.Y., 1957. – P. 5.

1/10 прироста валового дохода, что при этом они будут обеспечивать до 9/10 всего прироста населения и что в среднем эти наиболее бедные 90% людей будут оставаться в относительном выражении настолько же ниже уровня богатых 10%, насколько и всегда. Тот факт, что беднейшее большинство будет немного богатеть в абсолютном выражении, может, стало быть, в основном повышать осознание ими широкой пропасти между их жизненными стандартами и стандартами жизни их правителей; и это может одновременно повышать их способность к политическим действиям.

Иначе говоря, если для всей страны был предположен рост *среднего* дохода на душу населения, то теперь мы должны добавить, что при принятых допущениях «социальная пропасть» – разрыв между доходами беднейших 90% и богатейших 10% населения – может вполне ожидаемо увеличиться. На политическую активность, однако, вполне могут больше влиять изменения в среднем значении, которое в этом отношении, возможно, есть нечто большее, чем статистическая абстракция. Следовательно, наша модель заставляет нас ожидать опасности значительного ухудшения политической стабильности в любой развивающейся стране, к которой могут быть применены заложенные в нее допущения. Поскольку эти допущения были выбраны с учетом того, чтобы как можно больше приблизить их к самым быстрым из реальных темпов изменения, находящимся в странах этого типа, то ожидания растущих политических напряжений в странах, переживающих быструю социальную мобилизацию, возможно, не являются нереалистическими.

Положиться на автоматические изменения в экономической и политической жизни в тех странах свободного мира, к которым применимы допущения нашей модели, значило бы навлечь растущую нестабильность, свержение существующих правительств, их замену не менее нестабильными преемниками и даже их постепенное вхождение в коммунистический блок. С другой стороны, продуманное политическое и экономическое вмешательство в процесс социальной мобилизации может открыть более обнадеживающие перспективы. Такое вмешательство не должно иметь целью сдерживание экономического и социального развития, подобно политике режима князя Меттерниха в Австрии в первой половине XIX в. Эти политики замедления социальной мобилизации и экономического развития в общем и целом лишь уменьшали дееспособ-

способность правительств, прокладывали дорогу неудачам во внутренних делах и международным поражениям, и вслед за этим в течение трех поколений сохранялась постоянная отсталость, увеличивающаяся в конце концов разрушением государства. Более многообещающей политикой была бы, напротив, политика активного вмешательства, способствующая более быстрому и более сбалансированному росту, более ровному распределению дохода, теснее привязанному к вознаграждению продуктивного вклада, а не статуса и наследственного богатства, более продуктивному инвестированию имеющихся ресурсов, а также устойчивому возрастанию политических и административных полномочий правительства и все более широких слоев населения.

Грубая модель, очерченная выше, может быть в какой-то мере полезна для обследования и представления в количественной форме некоторых величин и темпов изменения, значимых для понимания основных проблем такой более конструктивной политики в развивающихся странах¹. Отчасти, как экономические модели покойного лорда Кейнса привлекли внимание к необходимости удерживать национальные показатели расходов и инвестиций в стране в равновесии с национальной склонностью к сбережениям, так, вероятно, когда-то и политические ученые смогут сказать, в каких областях, в каких отношениях и в какой степени усилия правительства должны идти вровень с нагрузками, порождаемыми процессами социальной мобилизации. Первыми шагами к этой отдаленной цели могли бы стать исследования, которые бы заменили гипотетические цифры, содержащиеся в модели, действительными данными из конкретных стран, что позволило бы проверить, пересмотреть и развить эту модель, сделав ее более пригодной для применения.

¹ Другие весьма значимые подходы к этим проблемам см. в: *Almond G.A., Coleman J.S. (eds.) The politics of the developing areas.* – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1960. – Особенно р. 58–64 (статья Г.Э. Элмонда). Проблема темпов изменения и их ускорения эксплицитно обсуждается Коулменом: *ibid.* – Р. 536–558. Хотя в этой работе представлены обширные данные об уровнях развития, в ней не сделано следующего шага – использования эксплицитных количественных показателей изменения, необходимых для динамических и вероятностных моделей того типа, который, видимо, неявно содержится в долгосрочных предсказаниях этих авторов, предложенных в этой же книге: *ibid.* – Р. 58–64, 535–544.

В этой сфере приветствовалось бы любое расширение сотрудничества социальных ученых и других исследователей культурного, политического и экономического развития и изменения – будь то в виде улучшения дизайна модели, предложения более точных определений некоторых ее категорий или предоставления конкретных данных.